

гом затруднено. Оставалась только фанатическая вера в правоту своего дела и неукротимое стремление для успеха этого дела завершить и увековечить легенду о собственной жизни. Нечеловеческие моральные и физические страдания всех четырех союзников сопровождался в этот второй период их срыльной жизни блестящим расцветом их литературного и полемического творчества. Сидя в темницах, Аввакум и Епифаний приступают к заранее совместно обдуманному ими автобиографическому труду. И теперь их прежние беседы о временах вольной жизни отнюдь не забылись.

Следы такого предварительного устного общения двух писателей обнаруживаются при сопоставлении двух редакций (А и Б) «Жития» Епифания между собой и одновременно с тем изложением событий из жизни старца, которое сделал Аввакумом. Завершая свое «Житие», Аввакум настойчиво предлагает Епифанию («не станешь писать, я петь осержусь» — 82) описать, «как богородица беса того в руках тех мяла и тебе отдала» («и как бес-от мужика задавил», — добавлено в редакции Б) и «как муравьи-те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова те сожег и как келья-та обгорела, а в ней все цело, и как ты кричал на небо-то, да иное, что вспомнишь» (81—82). В редакции А «Жития» Епифания есть рассказы о том, как богородица беса в руках мяла, как бес мужика задавил, как при пожаре внутреннее убранство кельи старца осталось целым. Но там совершенно отсутствует эпизод о нападении муравьев, о том, как бес сжег дрова и как Епифаний «кричал на небо». Однако в редакции Б, написанной по требованию Аввакума, появляется и эпизод с муравьями, и картина второго пожара кельи, во время которого по воле беса огонь, как говорит Епифаний, «съел у мене дров шесть сажень» (237). Сам же Епифаний, подчиняясь стилю Аввакума, начинает обращаться к небесным силам гораздо настойчивее. Если в редакции А он еще скромно молился, «сице глаголющи» или «начен глаголати» и только однажды «вопия»,⁴² то в редакции Б он уже «вопиюще сице к высоте небесной» (234), «воздох руки мои на высоту небесную и завопел великим голосом» (237), «начаш вопити... зря на небо» (233). Во всех этих случаях появляется тот недостающий в первой редакции элемент («небо»), который отмечен Аввакумом.

Следовательно, Аввакум еще раньше, чем сам Епифаний, занес на бумагу те эпизоды из жизни старца, которых не было у него в первой редакции «Жития». Откуда же Аввакум узнал о них? Несомненно, из устных рассказов самого Епифания. Именно из этих рассказов, а не из первой редакции «Жития» (А) Епифания, как полагает С. А. Зеньковский,⁴³ он почерпнул все свои сведения о жизни старца, как те, которые уже содержались в редакции А, так и новые. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что эпизоды из жизни Епифания передаются Аввакумом в случайной последовательности, не совпадающей с изложением «Жития» старца. Обе редакции этого «Жития» в общей последовательности своего рассказа значительно ближе друг к другу, чем к рассказу о жизни Епифания у Аввакума. Работая над своим «Житием» в условиях одиночного заключения, Аввакум припомнил отдельные, наиболее яркие рассказы старца, но расположил их произвольно.

В процессе работы Аввакума над «Житием» его личное общение с Епифанием сменилось письменной беседой-исповедью. Постоянные обращения к Епифанию служили дополнительной мотивировкой рассказа

⁴² Материалы, т. VII, стр. 55, 57, 58.

⁴³ С. А. Zenkovsky, стр. 284.